

На помятом листке бумаги расплылись несколько водяных колец. Ци Хань нашел ту самую кисть, которую Фу Гэ случайно выронил днем, и осторожно закрасил пустые места в пухлом сердечке.

Он подул, чтобы краска быстрее высохла, аккуратно сложил рисунок пополам и спрятал обратно под подушку Фу Гэ.

— Поправил рисунок для Гэ... Только вот все равно вышло не очень красиво... — голос Ци Ханя был таким хриплым, словно он проглотил песок. Его глаза, покрасневшие до алого, блестели от слез.

— Не плачь больше, не бойся, мы справимся. И болезни тела, и болезни души... Я буду рядом, мы вместе все вылечим. Потерпи еще немного, хорошо?

Он крепко сжал руку Фу Гэ и прижал к своему лбу, плотно зажмурившись, будто молился:

— Потерпи, пожалуйста... Если ты не хочешь жить, то что тогда делать мне?

— У меня же больше никого нет.

После того дня Ци Хань самовольно увеличил частоту переливания феромонов для Фу Гэ. Это означало, что и интенсивность извлечения феромонов тоже выросла: вместо одной капсулы раз в два дня теперь приходилось сдавать по две каждые три дня. Организм Ци Ханя работал на износ, не раз приводя его на грань обморока.

Тошнота и слабость стали невыносимыми. Его рвало так сильно, что еда попросту не задерживалась в желудке: стоило проглотить хоть что-то, как все мгновенно возвращалось обратно. Даже питательные капсулы, которые он глотал через силу, чтобы хоть как-то поддерживать железы в норме, не оставались внутри надолго.

Частые приступы рвоты вызвали обратный выброс желудочного сока, и кислота разъела горло. Глотать стало мучительно больно, даже простой глоток воды причинял жгучую резь.

Ци Хань почти перестал разговаривать. Его голос был слишком хриплым и уродливым, и он боялся, что Фу Гэ что-то заметит. Особенно он молчал в присутствии маленького беты, надеясь, что тот не заподозрит неладное.

Но, как оказалось, все его опасения были напрасны.

В очередной раз выйдя из комнаты для извлечения феромонов, Ци Хань едва держался на ногах. Он шел по коридору, пошатываясь, и вдруг услышал знакомый голос. За углом Фу Гэ что-то говорил, и в его тоне звучала такая теплая благодарность, что Ци Хань невольно замер.

Он сделал шаг вперед и увидел, как маленький бета смотрит на Ци Чуаня снизу вверх с чуть смущенной улыбкой. В руках Фу Гэ держал термос с бульоном, который сам же и сварил. Он перерыл кучу рецептов, пробовал разные комбинации, не спал всю ночь, чтобы приготовить этот бульон...

Ци Хань тогда уже понял, что эта миска точно предназначалась не ему.

Ци Хань застыл, опустив голову, и, неосознанно отступив назад, спрятался за угол. Он слушал, как его любимый заботливо расспрашивал Ци Чуаня о его самочувствии и даже заметил, что у того слегка заложен нос.

Ци Хань криво усмехнулся, закрыл глаза и тяжело привалился к стене. Только когда они закончили обмениваться любезностями и ушли, он поспешно бросился в ванную, обнял унитаз и его снова вырвало.

Он плеснул в лицо холодной воды и поднял глаза на своё отражение в зеркале. Лицо было бледным и неузнаваемым, глаза — покрасневшими и влажными. Голос, когда он заговорил, звучал хрипло, как старый, заедающий вентилятор:

— У него всего лишь нос заложен, а ты сразу заметил.

Он повернулся и встретился взглядом с Чэнь Сином, который стоял прямо за его спиной с термосом в руках. Глаза Чэнь Сина покраснели, и он тихо выругался.

— Твой суп. Ци Чуань попросил меня передать тебе.

Ци Хань усмехнулся без особой неловкости, взял термос и похлопал его по плечу:

— Спасибо.

— Спасибо? Да пошёл ты со своим «спасибо»! — Чэнь Син резко стёр влагу со своих глаз и со злостью посмотрел на него. — Ты неделю ни хрена не ел, кроме этих проклятых питательных смесей. Просто выпей уже хоть что-нибудь. Проблюёшься — ну и хрен с ним.

И, помолчав, буркнул:

— Хотя вряд ли ты станешь это выблевывать.

Ци Хань фыркнул и легонько хлопнул его:

— Вот жеж, язык без костей.

Руки Фу Гэ были созданы для рисования а не для кухни. С детства он не делал ничего тяжелого. Единственный раз, когда он попытался приготовить что-то сам, это была, курица в перце. Тогда он полдня провозился на кухне, а в итоге получилось, что перец был отдельно, курица — отдельно, и куски наполовину сырого мяса плавали в горькой, едкой жижице.

Ци Ханя тогда тошнило три дня, но сейчас он отдал бы всё, чтобы снова попробовать это блюдо. Потому что как бы мерзко оно ни было, Фу Гэ готовил его только для него, а не чтобы обманом подсунуть кому-то тарелку супа.

— Если он узнает, что я выпил этот суп, наверное, опять разозлится...

Ци Хань, открывая термос, пробормотал это с горькой усмешкой. В нос ударил мягкий, почти домашний аромат, от которого всё тело пробрало жаром.

То ли это действовала сила привычки, связанная с Фу Гэ, то ли сам суп был настолько легким и нежным, но на этот раз его не стошнило. Наоборот, впервые за долгое время ему даже захотелось поест.

Этот суп стал единственным, что Ци Хань смог проглотить за всю неделю. Он ел маленькими глотками, терпя жгучую боль в горле, но не останавливался, чувствуя, как давно высохший желудок наконец-то наполняется чем-то тёплым и мягким. Это ощущение было настолько уютным и непривычным, что даже казалось болезненным.

Ци Хань даже не решился выпить весь суп сразу — налил себе всего одну миску и потягивал маленькими глотками, оставив остальное на завтра, когда снова придётся сдавать феромоны.

Обед в полном одиночестве был слишком тихим. Ци Хань украдкой достал телефон и открыл одну запись. Первая фраза была голосом Фу Гэ.

Этот аудиофайл был записан случайно. Как-то раз, после особенно тяжёлой сдачи феромонов, Ци Хань свалился с кровати и задел кнопку записи на телефоне. Когда он вернулся в комнату, то обнаружил, что успел записать кое-что.

Ци Хань вырезал все реплики Ци Чуаня, оставив только голос маленького беты. Теперь, каждый раз, когда боль не давала уснуть, он включал эту запись и слушал её до тех пор, пока не знал наизусть каждое слово.

— Железы ещё болят? — спрашивал Фу Гэ.

— Больно... до смерти... — пробормотал Ци Хань, помешивая ложкой суп и притворяясь, что это беспокойство было адресовано ему.

— Я слышал от врача, что если слишком часто сдавать феромоны, то начинается бессонница и

тошнота. А вы последние дни хоть немного спали? Как с аппетитом? Может, я сварю вам что-нибудь лёгкое?

Ци Хань шмыгнул носом и выдавил жалкую усмешку:

— Спал плохо. Во сне ты всё время на меня злишься и плачешь. Но суп я попробовал.

Он добавил шёпотом:

— Украдкой.

Фу Гэ продолжал что-то говорить, а Ци Хань отвечал каждой фразе, почти благоговейно. Глаза его всё сильнее покраснели, а горло жгло от боли и горячего супа.

И вдруг сзади послышался звук открывающейся двери. Ци Хань решил, что это Чэнь Син и даже не обернулся:

— Принеси мне к вечеру список участников тендера на ингибиторы.

Прошло три секунды, но за спиной стояла полная тишина. Ци Хань резко выключил запись и поднялся, обернувшись.

На пороге без всякого выражения стоял Фу Гэ.

— Что ты делаешь. — Маленький бета смотрел на термос с холодным, отстранённым выражением.

Ци Хань застыл, не зная, как реагировать, и рефлекторно спрятал термос за спиной, точно воришка, пойманный на месте преступления. Он чувствовал себя таким жалким, что не мог даже взглянуть на Фу Гэ.

За несколько секунд он придумал десяток оправданий, но когда открыл рот, чтобы что-то сказать, голос дрогнул, и из всех возможных слов он выдавил только два:

— Гэ, я...

Фу Гэ молча швырнул термос на пол. Металл громко стукнулся об плитку, крышка отлетела, и горячий бульон разлился липкими лужами.

Фу Гэ даже не посмотрел на него и развернулся, уходя, оставляя за собой едва слышный запах чёрной смородины.

Ци Хань остался стоять в полном молчании, глядя на осколки своих тщетных надежд. Горькая усмешка исказила его лицо, и он тихо добавил окончание фразы, которая так и не сорвалась с губ:

— Я всего лишь немного выпил...

Тем же вечером Ци Хань сдал вторую капсулу феромонов. Половину сразу добавили в лекарства для Фу Гэ. Он стоял за односторонним стеклом и смотрел, как маленький бета вяло вытягивает руку для капельницы. Тот выглядел измотанным и сонным, едва удерживая глаза открытыми.

Ци Чуань подарил Фу Гэ булавку с замысловатым узором. Фу Гэ повесил её на стену напротив кровати и каждую ночь подолгу всматривался в неё, как будто пытался разглядеть в узорах что-то большее, чем просто числа.

Ци Хань подождал, пока Фу Гэ уснёт, и только тогда зашёл в палату. Он снял булавку, несколько раз проверил её, убеждаясь, что там нет жучков или скрытых камер, и только после этого вернулся на место.

Потом он тихо присел на краешек кровати и достал свежее противоожоговое средство.

Когда Фу Гэ швырнул термос, горячий бульон выплеснулся на его руку. Тыльная сторона правой кисти теперь была покрыта большим красным пятном.

— Обжёгся, но даже не обработал... — тихо пробормотал Ци Хань, аккуратно втирая мазь в покрасневшее место. Усмешка скользнула по его лицу — беспомощная, едва заметная. — Всё из-за какой-то миски супа... Фу Гэ, ты часом не фугу? Так легко надуваешься.

— И вообще, это был не мой суп. Ци Чуань пить не стал, вот Чэнь Син и притащил его мне. Он же здоровый, как бык, ему какие ещё бульоны, посмотри на него, ему разве это нужно? — пробормотал Ци Хань и осёкся, глаза, покрасневшие и влажные, медленно моргнули пару раз.

И только ночью, в тишине, он позволил себе выпустить наружу ту щемящую обиду, что давно скреблась внутри:

— Я таю у тебя на глазах, а ты даже не жалеешь меня.

Он осторожно провёл пальцами по руке Фу Гэ, склоняясь, чтобы оставить лёгкий поцелуй на месте, где игла капельницы проткнула кожу. Голос его дрогнул, почти срываясь:

— Даже если бы я сам взял этот суп. И что с того? Это мои феромоны.

— В тебе всё моё, Гэ. Так чего ты злишься... — тихий шёпот застрял в горле, как кость.

Фу Гэ вдруг недовольно поморщился, будто от этого бормотания в полусне. Он чёртыхнулся, поёжился и перевернулся на другой бок, угрюмо теребя одеяло, словно что-то ему мешало.

Ци Хань тут же замолчал, глаза расширились, он замер, не смея даже дышать. Но Фу Гэ только потёрся лбом о подушку, буркнул что-то непонятное и снова провалился в сон.

Лишь тогда Ци Хань выдохнул, стараясь не шуметь, и осторожно сунул руку под подушку, чтобы проверить, что там так мешает. Пальцы нащупали что-то маленькое и твёрдое.

Он вытащил синюю бархатную коробочку. Когда крышка раскрылась, внутри оказалась пара мужских обручальных колец, простых, но элегантных.

Ци Хань застыл, будто обжёгся. Он сразу узнал их — это были те самые кольца, что Фу Гэ сам нарисовал и спроектировал к своему восемнадцатилетию.

Тогда, в день, когда всё рухнуло, в суматохе драки, они должны были затеряться где-то на развалинах недостроенного здания.

Но сейчас они лежали здесь, под подушкой Фу Гэ.

Глаза Ци Ханя сразу покраснели, губы дрожали, но слова застряли в горле, не находя выхода. В итоге он просто отвернулся и тяжело выдохнул, стараясь совладать с собой.

Он крепче сжал руку Фу Гэ, на губах появилась горькая, кривоватая улыбка. Взгляд метался от тех самых колец к лицу спящего.

— Брат ведь тоже помнит, да?.. Сегодня наша годовщина... уже пять лет прошло... — хриплый шепот был почти не слышен, слова распадались на обрывки.

Тогда, в восемнадцать лет, этот мальчишка собирался связать свою жизнь с любимым человеком перед родными и друзьями. Одних только эскизов для зала, где должна была пройти церемония, Фу Гэ нарисовал десятки. Он сидел ночами напролёт, вывел из строя несколько карандашей и едва не утонул в бумаге, пока не спроектировал эти кольца.

На той самой странице в альбоме он мелко, почти стыдливо, вывел: “Я с нетерпением жду, когда мой господин наденет кольцо, которое я нарисовал своими руками. Ахань будет самым красивым на свете.”

Фу Гэ, который в обычное время даже простых признаний в любви не мог вымолвить без того, чтобы не покраснеть до ушей, назвал его “господином”. Пусть и только на бумаге.

А тогдашний Ци Хань, наивный и чистосердечный, до того был счастлив, что ночами не мог уснуть. Иногда он вскакивал среди ночи, чтобы сбросить напряжение и плескался в бассейне круг за кругом, а возвращаясь, находил Фу Гэ, свернувшегося калачиком в одеяле, и сердце каждый раз сладко замирало.

Как можно было не ждать эту свадьбу? После почти двух лет тайной влюблённости ему наконец-то ответили взаимностью, и маленький, одинокий ребёнок наконец-то должен был обрести семью.

Они оба отсчитывали дни и часы, тянулись друг к другу, как к свету, мечтая об этом дне.

Но та свадьба так и не состоялась.

— Если бы я тогда не совершил этих ошибок... если бы просто поверил тебе немного больше... если бы проверил всё как следует... это ведь всё могло бы быть иначе, да?..

Он закрыл глаза, и на мгновение показалось, что вот-вот задохнётся.

Невольно начал мечтать, представляя, как могла бы сложиться их жизнь, если бы свадьба всё-таки состоялась.

Пять лет в браке. У каждого — своя жизнь и работа. Ци Хань по-прежнему занимал бы пост председателя, а Фу Гэ давно бы стал знаменитым художником, картины которого расхаживались бы по всей стране.

Его выставки собирали бы полные залы, а все говорили бы о его мягкой, утончённой манере и тех светлых улыбках, что он дарил каждому посетителю.

У них был бы малыш, такой же милый и яркий, как солнечный луч, и они стали бы самой счастливой семьёй на свете.

Эти образы были такими яркими, что Ци Хань невольно провёл пальцем по обручальному кольцу, которое так и осталось лежать в бархатной коробочке.

— Фу Гэ... — голос его дрогнул, и казалось, что ещё секунда — и он сломается.

Все эти мечты, вся эта светлая жизнь, которая могла бы быть их будущим, осталась теперь только в его воображении.

Ци Хань опустил голову и, почти благоговейно, коснулся губами холодного металла. Голос его был полон трепета и той щемящей горечи, что давила изнутри все эти годы:

— Сяо Гэ, мы женаты.

Но стоило ему поднять взгляд, как он едва не обмер: Фу Гэ смотрел прямо на него.

— Сегодня годовщина свадьбы? Я давно уже забыл об этом. — Голос маленького беты звучал ровно и холодно, в глазах не было ни капли тепла.

— Я ведь не для того достал это кольцо, чтобы вспоминать нашу несостоявшуюся свадьбу. Насколько же я должен быть ничтожным, чтобы делать такое.

Он сел, неторопливо взял руку Ци Ханя и, не глядя на него, начал снимать кольцо с его пальца. Движения были медленными, но в них не было ни капли колебаний.

Одним резким движением он извлёк из оправы камень, и его глаза, холодные и равнодушные, блестели, будто осколки льда. То, что когда-то было дороже всего на свете, теперь казалось для него лишь бесполезным мусором.

Ци Хань молча наблюдал за этим, и голос его, когда он наконец попытался что-то сказать, звучал так тихо, что он сам себя почти не слышал:

— Что... что ты делаешь?..

— Извлекаю из этого последнюю пользу. — Фу Гэ чуть прищурился и, словно испытывая его терпение, продолжил:

— В качестве ответного подарка на брошь, я сделаю из этих обручальных колец зажим для галстука и подарю его господину Ци.

Ци Хань чуть не согнулся пополам.

— Но это... это моё кольцо... — голос дрожал, почти срывался на шёпот. — Наши обручальные кольца...

— Ты не можешь просто отдать его кому-то другому...

Фу Гэ молча взглянул на него, безжалостно выдернул второе кольцо и так же легко вынул из него камень. В его движениях не было ни жалости, ни колебаний.

— Можешь заявить на меня в полицию, — спокойно ответил он, словно речь шла о чём-то совершенно обыденном.

<http://bllate.org/book/14453/1278322>